

По направлению к нулю

Автор:

Агата Кристи

По направлению к нулю

Агата Кристи

Суперинтендант Баттл #4

Суперинтендант Баттл, чья работа в полиции связана с расследованием преступлений, имеющих тонкую политическую подоплеку, снова в деле! Ему предстоит расследовать «чисто английское убийство», совершенное прутом от каминной решетки...

Агата Кристи

По направлению к нулю

Пролог

19 ноября

Собравшуюся у камина компанию отличала одна особенность – все были правоведами, вернее, все в той или иной степени были служителями правосудия. Сию братию представляли здесь адвокат Мартиндейл, Руфус Лорд, заслуживший высшее звание королевского адвоката, и молодой Дениелс,

сделавший себе имя на деле Карстайрза, а также судья Кливер Льюис из «Льюис и Тренч» и старый мистер Тревис. Мистеру Тревису было около восьмидесяти, но ему удалось сохранить к столь почтенному возрасту острый, живой ум и превосходную профессиональную память. Прежде он служил в известной конторе адвокатов и был одним из наиболее уважаемых представителей этой конторы. На его счету было множество любовных решений щекотливых судебных дел; он был криминалист высшего класса, а кроме того, знаток закулисных историй, и в этом отношении ему не было равных во всей Англии.

Легкомысленные люди поговаривали, что ему следовало бы написать мемуары. Но мистер Тревис был значительно мудрее. Он понимал, что знает слишком много.

Давно отойдя от дел, он уже не занимался частной практикой, но не было в Англии другого такого человека, чье мнение столь же уважали все члены его же братии. Где бы ни раздавался его отчетливый, высокий и тихий голос, там всегда наступала почтительная тишина.

В этот вечер разговор в клубе шел об одном нашумевшем деле, слушание которого как раз сегодня закончилось в Бейли. В результате этого процесса подсудимого, обвинявшегося в убийстве, признали невиновным. И собравшаяся у камина компания занималась тщательным критическим разбором данного прецедента.

Обвинение сделало ошибку, слишком положившись на одного из свидетелей – служанку, тогда как старине Депличу следовало учесть, что ее показания открывают прекрасные возможности для защиты. Молодой Артур ловко этим воспользовался. А Бентмор в своей заключительной речи постарался дать объективную оценку и представить дело в истинном свете, но тем самым он только окончательно все испортил – присяжные поверили молоденькой служанке. Надо сказать, что восприятие присяжных зачастую бывает исключительно странным – никогда не угадаешь заранее, на чью сторону они встанут, кому поверят. Но если уж у них сложилось определенное мнение, то убедить их в обратном практически невозможно. Итак, они поверили рассказу этой девушки, из коего следовало, что ломик не мог быть орудием убийства, и после этого дело можно было считать решенным. Заключение медицинской экспертизы оказалось выше их понимания. Все эти ученые молокососы с их заумными латинскими терминами и прочей научной тарабарщиной – чертовски плохие свидетели. Вечно мямлят да бормочут нечто неопределенное и никогда

не могут ответить ни «да» ни «нет» на, казалось бы, элементарный вопрос. Они вечно твердят одно и то же: «При определенных обстоятельствах это, возможно, могло иметь место...» – и так далее в том же духе.

Когда все участники разговора так или иначе высказались и их замечания уже переходили в свободную беседу, всем показалось, что недостает некоего компетентного завершения. И лица собравшихся у камина, одно за другим, обратились в сторону мистера Тревиса, поскольку тот еще не внес свою лепту в данное обсуждение.

Мистер Тревис сидел, удобно откинувшись на спинку кресла, и с рассеянным видом протирал свои очки. Наступившее молчание, видимо, насторожило его, и он, подняв голову, окинул присутствующих пристальным взглядом.

– Извините, я задумался, – сказал он. – Вы спросили меня о чем-то?

– Сэр, мы обсуждали дело Ламорна, – сказал молодой Льюис и выжидательно умолк.

– Да-да, – сказал Тревис. – Я как раз размышлял об этом.

В комнате воцарилась почтительная тишина.

– Но боюсь, – заканчивая полировку стекол, сказал мистер Тревис, – я слишком увлекся собственными фантазиями. Да, я позволил себе погрузиться в мир фантазии. Видимо, начинают сказываться годы. В моем возрасте человек обладает известными привилегиями и при желании может позволить себе пофантазировать.

– Да, сэр, конечно, – сказал молодой Льюис, но вид у него был несколько недоумевающий.

– Я размышлял не столько о процессуальных особенностях дела, – продолжал мистер Тревис, – хотя они были интересными, исключительно интересными... И даже если бы суд вынес иной приговор, все равно остались бы серьезные основания для обжалования. Но, как я уже отметил, меня больше привлекал не сам процесс, а, скажем так, люди, причастные к этому делу.

Все собравшиеся смотрели на него с некоторым удивлением. Они привыкли рассматривать людей, имевших отношение к судебному расследованию, только с точки зрения правдоподобия их показаний, то есть как свидетелей. Никто из них не отваживался задаться вопросом, был ли обвиняемый на самом деле виновен или же суд, оправдав его, вынес верный приговор.

– Я задумался, знаете ли, о человеческой природе, – медленно сказал мистер Тревис, – о человеческой сущности во всем многообразии ее видов, родов и форм. Отдельные индивидуумы обладают изрядными умственными способностями, но преобладающее большинство обходится без оных. Итак, они спокойно живут в разных уголках нашей планеты – в Ланкашире, Шотландии или иных землях, – как небезызвестные вам владелец ресторанчика из Италии и школьная учительница из маленького городка на Среднем Западе. Все они попали в расставленные сети, стали участниками или свидетелями некоего преступного замысла, и в итоге в один из серых ноябрьских дней судьба свела их вместе в зале лондонского суда. Каждый внес свой вклад, сыграл свою маленькую роль в этом деле. И кульминацией стал суд над убийцей.

Он немного помолчал, пальцы его беззвучной барабанной дробью прошлись по колену.

– Мне нравятся ловко закрученные детективные истории, – сказал он. – Однако, знаете, на мой взгляд, все они имеют один недостаток. Они начинаются с убийства! Но убийство – это, в сущности, конец... Ведь история преступления начинается намного раньше – порой подготовка к нему длится многие годы, и в итоге определенные причины и события сводят известных людей вместе в известном месте в известное время и в известный час. Возьмем, к примеру, показания юной служанки – если бы эта судомойка не поссорилась со своим кавалером, то она не отменила бы свидание и не отправилась бы к Ламорну, а следовательно, и не могла бы стать главным свидетелем защиты. Далее идет Джузеппе Антонелли, приехавший на месяц из Италии, чтобы пообщаться со своим братом. Этот брат слеп, как летучая мышь, и он не смог бы увидеть того, что увидели зоркие глаза Джузеппе. Наконец, если бы констебль не любезничал с той кухаркой из сорок восьмого номера, то не опоздал бы на свой участок...

Мистер Тревис слегка кивнул головой, словно соглашался с собственными мыслями.

– Все сходится в некоем данном месте... И затем, когда наступает нужный момент, – наносится завершающий удар. Это и есть час атаки. Черный час. История приобретает иную точку отсчета. Как перед запуском: три, два, один, ноль – старт. И в нулевой точке все участники драмы сходятся вместе... Да, именно в нулевой точке... – повторил он и умолк, слегка вздрогнув.

– Вы замерзли, сэр, подвигайтесь ближе к огню.

– Нет, нет, – сказал мистер Тревис. – Просто, как говорится, дрожь пробирает. Пожалуй, пора мне отправляться домой.

Он слегка склонил голову в знак прощания и с осторожной, старческой неторопливостью вышел из комнаты.

После его ухода в маленькой гостиной ненадолго установилось смущенное молчание, и затем королевский адвокат Руфус Лорд заметил, что старина Тревис начал сдавать.

Сэр Уильям Кливер сказал:

– Острый ум... исключительно острый ум... Но, увы, возраст уже сказывается.

– К тому же сердце давно пошаливает, – сказал Лорд. – Может остановиться в любую минуту, насколько мне известно.

– Он очень трепетно относится к своему здоровью, – сказал молодой Льюис.

В это самое время мистер Тревис осторожно садился в свой старенький «Даймлер», имевший необычайно мягкий ход. Шофер доставил его к дому, окна которого выходили на тихий сквер. Заботливый камердинер помог ему снять пальто, и мистер Тревис прошел в библиотеку, где в камине на углях уже плясали синеватые языки пламени. Его спальня находилась в соседней комнате, поскольку, заботясь о своем сердце, он давно не поднимался выше первого этажа.

Опустившись в кресло перед камином, мистер Тревис подвинул к себе поднос с письмами.

Мысленно он все еще продолжал развивать тему, кратко обрисованную им в клубе.

«Возможно, именно сейчас, – думал мистер Тревис, – некая драма... некое убийство находится в стадии приготовления. Если бы я решился написать одну из тех развлекательных историй о кровавом преступлении, то непременно начал бы с того, что некий пожилой джентльмен сидел перед камином и распечатывал свою почту... приближаясь, без ведома для себя, к той самой нулевой точке...»

Разрезав конверт, он извлек письмо и рассеянно смотрел на исписанный лист бумаги.

Внезапно выражение его лица изменилось. Он словно вернулся из мира фантазии в реальный мир.

– О боже, – сказал мистер Тревис. – Какая досада! Какое исключительно неприятное известие! После стольких лет!.. Да, придется менять все мои планы.

«ДВЕРЬ ОТКРОЙ! – ПОЛНО ЛЮДЕЙ»[1 - «Here is the Church and here is the SteppleOpen the door and here are the people». «Вот церковь, башенка над ней, Дверь открой! – Полно людей» – детский «зримый» стишок, которым дети зачастую изводили взрослых, – пальцы сплетаются вместе, изображая крышу церкви, потом поднимаются указательные пальцы – это колокольня, при словах «Дверь открой» разводятся большие пальцы, и там, оказывается, есть люди, то есть сложенные внутрь пальцы.]

11 января

Мужчина, лежавший на больничной койке, слегка пошевелился и издал болезненный стон.

Дежурившая в палате сестра встала из-за стола и подошла. Она поправила подушки и устроила его поудобнее.

Ангус Мак-Виртер ворчливо пробормотал что-то в знак благодарности.

Все его существо переполняли чувства возмущения и горькой досады.

К этому времени все должно было уже кончиться. Он уже должен был избавиться от всего этого! Будь проклято чертово дерево, которому вздумалось вырасти на склоне скалы! Черт поberi тех услужливо-назойливых влюбленных, которые не побоялись назначить свидание на скале холодной зимней ночью...

Если бы не они (и не дерево!), то все уже закончилось бы, – ледяная глубина воды, возможно, краткое бессознательное сопротивление и, наконец, забвение... конец некой бесполезной, никчемной и неудавшейся жизни.

И где же он оказался вместо этого? Какая нелепость! Почему он должен лежать на больничной койке со сломанным плечом и с перспективой предстать перед городским судом за преступную попытку самоубийства?

Проклятие! Разве он не имеет права распоряжаться собственной жизнью?

Если бы ему удалось осуществить задуманное, то, возможно, его похоронили бы надлежащим образом по христианскому обряду как умалишенного.

Разумеется, умалишенного, как же иначе! Хотя он никогда не поступал более здраво. И это самоубийство было самым логичным и разумным поступком, который мог сделать человек, оказавшийся в его положении.

Он скатился на дно жизни, тело его постоянно мучили какие-то болезни, жена бросила его ради другого. Без работы, без семьи, без денег, лишенный здоровья, лишенный даже надежды... Разумеется, из такого ахового положения есть единственный возможный выход...

А вместо этого он лежит в этой смехотворной позе в больничной палате. И возможно, вскоре явится некий лицемерный чиновник с набожными увещеваниями и будет настраивать его на благоразумное отношение к некоему предмету потребления, который принадлежит только ему и никому другому, поскольку это его собственная жизнь.

Он раздраженно фыркнул. Его захлестнула волна гнева.

Сиделка вновь подошла к нему. Это была молодая рыжеволосая девушка с добрым и довольно безучастным лицом.

– Вам очень больно?

– Нет, не очень.

– Может, дать вам снотворное?

– Спасибо, обойдусь.

– Но...

– Неужели вы думаете, что меня мучает боль в плече или бессонница?

На лице девушки появилась мягкая, немного снисходительная улыбка.

– Доктор сказал, что снотворное вам не помешает.

– Мне плевать, что сказал ваш доктор.

Она расправила салфетку на тумбочке и подвинула стакан лимонада к нему поближе. Мак-Виртер сказал слегка пристыженно:

– Извините меня, похоже, я излишне груб.

– Не беспокойтесь, все в порядке.

Его раздосадовало, что девушку совсем не задела его вспышка. Ничто не могло пробить броню ее снисходительного равнодушия. Она не воспринимала его как человека, в данном случае он был всего лишь пациентом.

– Проклятие, – сказал он. – Во всем виноваты эти проклятые спасатели...

– Успокойтесь, не надо так говорить, – с упреком сказала она. – Вот это уже действительно не слишком любезно с вашей стороны.

– Не слишком любезно? – с горькой насмешкой воскликнул он. – Черт побери! Может, мне еще поблагодарить их?!

Она спокойно сказала:

– Утром вы почувствуете себя гораздо лучше.

– Вы, сиделки... – с тихим раздражением буркнул он. – Вы не люди, вы всего-навсего сиделки! Вот вы кто!

– Поймите же, мы знаем, что лучше для вас.

– Да, именно это и доводит человека до бешенства. Все всё знают – и вы, и доктора, все в этом мире! И все постоянно вмешиваются! Словно они действительно знают, что лучше для других людей. Я пытался покончить с собой. Вам ведь это известно, не так ли?

Она кивнула.

– Мне захотелось прыгнуть с этой чертовой скалы, и это мое личное дело, оно никого не касается. Я покончил счеты с жизнью. Я потерял все и желал только смерти.

Тихо прищелкнув языком, она посмотрела на него рассеянно-сочувствующим взглядом. Это был всего-навсего очередной пациент. И ее умиротворяющая миссия состояла в том, чтобы дать ему выговорить, выплеснуть накопившееся раздражение.

– Почему я не вправе покончить с собой, если я сам хочу этого? – требовательно спросил Мак-Виртер.

– Потому что это плохо, – совершенно серьезно сказала сиделка и с сомнением посмотрела на него. Ее собственные убеждения остались непоколебимыми, но ей явно не хватало слов, чтобы объяснить свой ответ. – Э-э... я имею в виду, –

неуверенно продолжила девушка, – самоубийство – большой грех. Бог дал вам жизнь, и вы должны жить, независимо от того, хотите вы этого или нет.

– Почему вы так решили?

– Ну, ведь у вас, наверное, есть близкие и родные, которые нуждаются в вас.

– Ошибаетесь. О моей смерти в этом мире не заплакала бы ни одна живая душа.

– У вас нет родственников? Ни матери, ни сестер – никого?

– Никого. У меня была жена, но и она ушла к другому. И поступила, как я считаю, исключительно благоразумно! Она поняла, что я полный неудачник.

– А друзья? Неужели у вас нет друзей?

– Нет, никого у меня нет. Я стал замкнутым и необщительным типом. Послушайте, я кое-что расскажу. Когда-то я был веселым и открытым парнем. У меня была хорошая работа и симпатичная жена. Потом произошла одна дорожная авария. Машину вел мой шеф, а я ехал вместе с ним. Он попросил меня подтвердить, что на момент аварии скорость машины не превышала тридцати миль. Но это было не так. Мы шли примерно на пятидесяти. В сущности, никто особо не пострадал, и мое свидетельство только помогло бы ему получить страховку. Короче говоря, я отказался подтвердить его слова. Это была бы ложь. А я не хотел лгать.

– Что ж, вы были совершенно правы, – сказала сиделка. – Вы поступили очень хорошо.

– Вы так полагаете? Однако это глупое упрямство стоило мне работы. Мой шеф страшно разозлился и позаботился о том, чтобы я больше нигде не смог устроиться. Потом моей жене надоело смотреть, как я бездельничаю и безрезультатно слоняюсь в поисках заработка, и она ушла от меня к человеку, которого я считал своим другом. Он-то, разумеется, все делал правильно и отлично продвинулся по службе. А я был уже не в состоянии сопротивляться и постепенно скатывался все ниже. Пристрастился к выпивке, и это, конечно, только усугубило мое положение. В итоге я опустился до грузчика, надорвался и

попал в больницу. Доктор сказал, что теперь я не смогу поднимать тяжести. В общем, я понял, что в этой жизни мне уже ничего не светит. Из такой ситуации был единственный, ясный и самый легкий, выход. Лучше всего было покончить с собой. Моя никчемная жизнь не нужна ни мне, ни кому-нибудь другому.

– Вы не можете этого знать, – тихо проронила его молоденькая собеседница.

Мак-Виртер рассмеялся. Он заметно повеселел. Развеселило его ее простодушное упрямство.

– Милая девочка, кому я нужен?

Она смущенно сказала:

– Кто знает!.. Возможно, придет время...

– Придет время? У меня не осталось времени. Я надеюсь, вторая попытка будет более удачной.

Сиделка решительно тряхнула головой.

– Нет-нет! – возразила она. – Теперь вы уже не сможете покончить с собой.

– Как интересно! Почему не смогу?

– Обычно... они так не делают...

Он удивленно посмотрел на нее. «Они так не делают...» Похоже, он принадлежал к некоему общему типу потенциальных самоубийц. Мак-Виртер открыл было рот, чтобы высказать резкий протест, но его вдруг остановила природная честность.

А будет ли вторая попытка? Действительно ли он намерен это сделать?

Внезапно он осознал, что не испытывает никакого желания покончить с собой. Неожиданный подъем настроения был ему совершенно непонятен.

Возможно, истинная причина крылась в том профессиональном знании, которым поделилась с ним эта медсестра. У самоубийц не бывает вторых попыток...

И все-таки у него возникло желание переубедить ее, коснувшись этической стороны данного вопроса.

– В любом случае я вправе как угодно распоряжаться собственной жизнью.

– Нет-нет. У вас нет такого права.

– Но почему же нет, моя милая девочка, почему?

Она смущенно вспыхнула и сказала, теребя пальцами золотой крестик, висевший у нее на шее:

– Разве вы не понимаете? Вы можете понадобиться Богу!

Мак-Виртер пораженно посмотрел на нее. Ему не хотелось разрушать ее наивную, детскую веру.

– Видимо, вы полагаете, – насмешливо сказал он, – что в один прекрасный день мне удастся остановить взбесившуюся лошадь и спасти от смерти золотоволосого малыша? Ведь вы именно это имели в виду?

Она отрицательно покачала головой и заговорила с пылкой убежденностью, неловко пытаясь объяснить ему то, что так ясно и четко чувствовала в глубине души:

– Возможно, вам совсем не обязательно что-то делать... Может, вы просто должны быть где-то, в каком-то определенном месте, в определенное время, которое вам пока неизвестно... Ох, я не могу этого объяснить, я не знаю, как сказать... Ну, к примеру, вы можете просто... просто идти по улице и совершенно случайно сделать что-то ужасно важное... И возможно, вы даже сами не заметите, что сделали...

Эта рыжеволосая юная сиделка была родом с западного побережья Шотландии, и, вероятно, кто-то из ее предков обладал даром предвидения.

Возможно, смутно и неосознанно она видела перед своим мысленным взором какого-то человека, поднимавшегося в гору сентябрьским вечером, чтобы спасти от смерти некое человеческое существо...

14 февраля

Единственным звуком, который нарушал тишину комнаты, был скрип пера, одинокая человеческая фигура склонилась над столом, покрывая лист бумаги четкими, аккуратными строчками.

Никому больше не суждено будет прочесть слова, написанные сейчас на этих листах. А если бы это все же случилось, люди, вероятно, не поверили бы собственным глазам. Ибо это было обстоятельное и подробное описание убийства, некий ужасный план, разработанный до мельчайших деталей.

Бывают моменты, когда человек осознает свои желания, контролирует их, когда он смиренно отказывается от всего злонамеренного и способен управлять своими действиями. Бывают другие, когда некая страсть полностью завладевает его душой и телом, и тогда он становится просто слепым орудием, покорно осуществляющим самые ужасные цели.

Склонившаяся над листом бумаги личность пребывала во втором из описанных выше состояний. Это было мыслящее, вполне разумное, хладнокровное существо. Но его умом завладели единственное желание и единственная цель – уничтожить другого человека. В итоге для осуществления этой цели был тщательно разработан и последовательно описан данный план. В нем учитывалось множество возможных случайностей и осложнений. В таком деле все должно быть основательно взвешено. Этот план, подобно любому добротному сценарию, не был сухой и строго ограниченной схемой. В определенных местах предусматривались возможные изменения и варианты. Более того, поскольку ум, вынашивавший этот замысел, был достаточно острый, то он понимал, что должна быть предусмотрена известная свобода действий на случай непредвиденных обстоятельств. Однако в общем и целом все было четко намечено и скрупулезно продумано. Означены время, место, способ и жертва!..

Наконец склоненная голова поднялась. Собрав исписанные листы, человек откинулся на спинку кресла и внимательно перечитал. Да, сценарий был просто идеальный.

Улыбка озарила серьезное, сосредоточенное лицо, хотя его выражение вряд ли можно было назвать приятным. Человек издал глубокий удовлетворенный вздох.

Если Господь возрадовался, сотворив человека по образу своему, то на этот раз это была некая ужасная пародия творческой радости.

Да, сценарий был очень хорош, он учитывал свойства характеров и реакцию каждого участника – их достоинства и недостатки должны были сыграть свою роль, помогая порочному уму осуществить свой замысел.

Не хватало только последнего штриха...

С легкой усмешкой драматург поставил дату... Последний акт должен быть сыгран в сентябре.

Затем послышался злорадный смех, и исписанные листы были разорваны на кусочки. Человек поднялся с кресла и, пройдя по комнате, бросил их прямо в пылающий камин. Все обрывки бумаги сгорели дотла. Теперь этот план существовал только в мозгу своего создателя.

8 марта

Суперинтендант Баттл, покончив с завтраком, сидел за столом и с суровым видом медленно и сосредоточенно читал письмо, которое ему только что передала огорченная жена. Выражение его лица практически не изменилось, ему вообще было несвойственно проявление каких-либо эмоций. Его лицо обычно напоминало деревянную маску. Оно было жестким и непроницаемым, но иногда очень впечатляющим. Суперинтенданта Баттла едва ли можно было назвать яркой личностью. Он явно не блистал остроумием, однако его медлительной натуре был присущ некий особый дар, трудный для определения, но тем не менее очень действенный и мощный.

– Не могу поверить, – всхлипнув, сказала жена. – Сильвия не могла так поступить!

В семье суперинтенданта Баттла было пятеро детей, и Сильвии, младшей дочери, уже исполнилось шестнадцать лет. Ее школа находилась неподалеку от Мейдстоуна.

Это послание пришло от мисс Амфри, директрисы вышеупомянутого заведения. Письмо было, несомненно, дружелюбным и исключительно вежливым. В нем черным по белому излагалось, что в школе с некоторых пор начали происходить разные мелкие кражи и перед педагогическим составом школы встали известные проблемы. Однако сейчас все уже благополучно разрешилось, так как Сильвия Баттл признала свою вину, и в связи с этим мисс Амфри хотела бы видеть мистера и миссис Баттл в ближайшее время, «дабы обсудить создавшееся положение».

Суперинтендант Баттл сложил письмо и, сунув его в карман, сказал:

– Предоставь это мне, Мери. – Он встал из-за стола, подошел к жене и, погладив ее по щеке, добавил: – Не волнуйся, милая, все будет в порядке.

Он вышел из комнаты, оставив за собой атмосферу некой бодрой и спокойной уверенности.

В полдень суперинтендант Баттл уже находился в современной и очень оригинальной гостиной мисс Амфри; он сидел в кресле напротив директрисы, напряженно расправив плечи и положив на колени большие крепкие руки; сейчас ему более чем когда-либо хотелось выглядеть стопроцентным полицейским, и, надо сказать, это ему вполне удалось.

Мисс Амфри слыла весьма преуспевающей директрисой. Это была деятельная особа, широко и хорошо известная своими просвещенными и современными методами обучения и умело сочетавшая дисциплину с новыми идеями о личностном самоопределении.

Ее гостиная являла собой дух и сущность этой Мидвейской школы. Цветовая гамма была выдержана в желтовато-соломенных тонах – повсюду были расставлены большие кувшины с нарциссами, вазы с тюльпанами и гиацинтами,

интерьер украшали пара отличных копий с античных греков, несколько новомодных статуэток и на стенах две картины итальянских примитивистов. А в центре этого великолепия восседала сама мисс Амфри, облаченная в темно-синее платье. Лицом напряженным и энергичным она чем-то напоминала добросовестную английскую борзую, отслеживающую дичь, ее ясные голубые глаза с глубокой серьезностью смотрели на собеседника сквозь толстые линзы очков.

– Главное, – говорила она своим чистым, хорошо поставленным голосом, – найти верный путь к решению этой проблемы. Прежде всего мы должны подумать о самой девочке, мистер Баттл. О состоянии самой Сильвии! Это очень важно, крайне важно – нельзя нанести даже малейший вред молодой жизни! Ни в коем случае нельзя возложить на нее всю тяжесть этого греха – порицание должно быть очень, очень умеренным, если таковое вообще необходимо. Нам нужно выяснить скрытые причины, побудившие ее к этим мелким, незначительным кражам. Возможно, это чувство неполноценности? Знаете, она не слишком сильна в спортивных играх, и у нее могло возникнуть смутное, неосознанное желание отличиться в какой-то иной сфере, желание утвердить свое эго. Мы должны быть очень, очень тактичны. Вот почему мне хотелось сначала поговорить с вами наедине и убедить вас быть крайне, крайне осторожным в разговоре с Сильвией. И я повторяю еще раз: главное – узнать скрытые мотивы ее поведения.

– Именно ради этого, мисс Амфри, – сказал суперинтендант Баттл, – я и приехал сюда.

Голос его был совершенно спокойным, лицо бесстрастным, и его оценивающий взгляд внимательно изучал школьную даму.

– Я поговорила с ней в дружелюбной, мягкой манере, – сказала мисс Амфри.

– О, это очень мило с вашей стороны, мадам, – коротко отозвался Баттл.

– Вы знаете, я действительно люблю и понимаю все сложности детской и юношеской натуры.

Баттл уклонился от прямого ответа на это заявление и сказал:

– Если вы не возражаете, мисс Амфри, сейчас мне хотелось бы увидеть мою дочь.

С новым пылом мисс Амфри принялась уговещивать его проявить тактичность, дабы не вызвать сопротивления, не давить на ребенка, едва вступившего на путь зрелости. Суперинтендант Баттл не выказал никаких признаков нетерпения. Он просто казался несколько озадаченным и смущенным.

Наконец она повела его в свой рабочий кабинет. В коридоре они прошли мимо пары воспитанниц. На лицах девочек отразилось лишь вежливое внимание, но глаза были полны любопытства. Препроводив суперинтенданта Баттла в маленькую комнату, не столь отмеченную оригинальным вкусом директрисы по сравнению с гостиной на первом этаже, мисс Амфри отступила к двери, сказав, что пришлет к нему Сильвию.

Она была уже на пороге, когда Баттл вдруг остановил ее:

– Одну минутку, мадам. Каким образом вы пришли к заключению, что Сильвия ответственна за эти... э-э... пропажи?

– Мои методы, мистер Баттл, основаны на психологии, – с достоинством произнесла мисс Амфри.

– На психологии? Гм... Ну а как насчет доказательств, мисс Амфри?

– Д-да, да, конечно, я вас понимаю, мистер Баттл. Вы предпочитаете иной путь... Ваши, так сказать, профессиональные методы... Но психологические методы уже начали признавать в криминалистике. Я могу заверить вас, что они действуют безошибочно. Сильвия сама во всем призналась.

Баттл кивнул:

– Да-да, я знаю. Я просто хотел спросить: что именно изначально навело вас на мысль о ее виновности?

– Я поняла вас, мистер Баттл. В общем, из шкафчиков девочек начали пропадать вещи, и, когда кражи участились, я собрала всю школу на общее собрание и сообщила об этих печальных случаях. И одновременно я ненавязчиво изучала их

лица. Выражение лица Сильвии сразу поразило меня. Оно было виноватым и смущенным. И я тотчас поняла, кто виноват. Мне не хотелось самой обвинять ее, и я дала ей возможность признать свою вину. Я устроила ей маленькое испытание... Мы просто поиграли немного в ассоциации...

Баттл кивнул, показывая, что ему понятно, о чем идет речь.

– И в итоге ваша дочь сама во всем призналась, – заключила мисс Амфри.

– Да, понимаю, – сказал озадаченный отец.

Не зная, что добавить, мисс Амфри нерешительно помолчала и затем вышла из комнаты.

Когда дверь кабинета вновь открылась, Баттл стоял у окна, разглядывая окрестный пейзаж.

Он медленно повернулся и взглянул на свою дочь.

Закрыв за собой дверь, Сильвия смущенно стояла у порога. Девочка была высокой, смуглой и немного угловатой, как все подростки. На печальном лице видны были следы слез. Она сказала скорее робко, чем вызывающе:

– Ну вот и я.

Баттл задумчиво посмотрел на нее пару минут и вздохнул.

– Мне не следовало отдавать тебя в эту школу, – сказал он. – Ваша директриса просто глупа.

Сильвия в полнейшем изумлении взглянула на него, забыв о всех своих горестях.

– Мисс Амфри? О нет, она – замечательная женщина. У нас все так считают.

– М-да... – с сомнением проронил Баттл. – Ну, может, она и не безнадежная дура, если смогла произвести на вас такое впечатление. И все-таки эта Мидвейская

школа явно не для тебя... Хотя, кто знает, такое могло случиться где угодно.

Сильвия стояла, сцепив руки и потупив глаза.

– Мне очень жаль, папа, – тихо сказала она. – Мне правда очень жаль, что так случилось.

– Да уж, иначе и быть не может, – отрывисто сказал Баттл. – Подойди ко мне.

Она медленно и неохотно прошла по комнате и встала перед ним. Приподняв своей широкой, большой ладонью ее опущенный подбородок, Баттл внимательно посмотрел на смущенное лицо дочери.

– Это было для тебя тяжким испытанием, да? – сказал он мягким голосом.

Ее глаза наполнились слезами.

– Понимаешь, Сильвия, – словно размышляя, продолжал Баттл, – я всегда знал, что с тобой может произойти нечто подобное. Большинство людей имеют разного рода слабости и недостатки. Как правило, они достаточно хорошо заметны. Ну, скажем, мы замечаем, что ребенок жадный, капризный или любит похулиганить. Ты всегда была доброй девочкой, очень спокойной... с уступчивым, мягким характером. В общем, с тобой не было никаких проблем, и все же я иногда беспокоился. Потому что если есть некая трещина или слабина, которую ты не замечаешь, то в определенный момент, когда наступит час испытания, она может испортить общее впечатление.

– Как у меня! – сказала Сильвия.

– Да, как у тебя. Ты сломалась под давлением, и к тому же эта слабина проявилась чертовски странным образом. Да, это на редкость необычная черта, я никогда не встречался с таким поведением прежде.

Девочка вдруг пренебрежительно сказала:

– Мне следовало помнить, что ты довольно много общался с ворами!

– О да! Я прекрасно изучил этот тип людей. И именно поэтому, моя милая, – не потому, что я твой отец, отцы многого не знают о своих детях, а потому, что я полицейский, – я отлично знаю, что ты не воришка! Ты совершенно непричастна к тому, что здесь произошло. Воры бывают двух видов. Одни поддаются внезапному и непреодолимому искушению. Надо сказать, такое случается крайне редко – просто поразительно, каким искушениям может противостоять вполне нормальное, честное человеческое существо. А другие не считают зазорным присваивать то, что им не принадлежит, – такие воруют почти машинально. Ты не принадлежишь ни к одному из этих типов. Ты вообще не воришка! Я бы сказал, что ты являешь собой на редкость необычный тип лжеца...

– Но... – начала было Сильвия.

– Ты во всем призналась! – закончил он вместо нее. – Ну да, мне известно об этом. Знаешь, жила когда-то одна святая, которая раздавала хлеб нищим. Ее мужу была не по душе такая щедрость, и, встретив ее, он спросил, что у нее в корзинке. Она оробела и сказала, что там... розы. Когда муж сорвал крышку, то в корзине действительно оказались розы – чудеса, да и только! Так вот, если бы ты была святой Елизаветой и вышла, к примеру, с корзинкой роз, а твой муж, встретив тебя, спросил, что ты несешь, то ты, точно так же оробев, ответила бы ему: «Хлеб». – Он сделал паузу и мягко добавил: – Разве не так все случилось, милая?

В комнате повисла тишина; так ничего и не ответив, Сильвия вдруг опустила голову.

– Расскажи-ка мне, девочка, по порядку, как все произошло на самом деле.

– Нас собрали всех вместе и рассказали об этих кражах. И я, увидев, как мисс Амфри смотрит на меня, поняла, что она меня подозревает! Я почувствовала, что краснею... и заметила, что некоторые девочки тоже стали смотреть на меня. Это было ужасно. А потом и остальные начали подозрительно поглядывать и шептаться по углам. Я догадалась, что все они подозревают меня. И вот как-то вечером наша Амфа позвала сюда нескольких девочек, и меня, конечно, в том числе, и предложила поиграть в слова... Она произносила слова, а мы должны были не задумываясь давать ассоциации...

Баттл недовольно хмыкнул.

– И я догадалась, что это своеобразное испытание... Меня точно парализовало. Я изо всех сил старалась не сказать какое-нибудь неверное слово... Попыталась думать о совершенно посторонних вещах... о белках или цветах... А наша Амфа так и следила за мной своими глазами-буравчиками... Знаешь, мне казалось, что ее взгляд просверливает меня насквозь. После этого начался настоящий кошмар, мне показалось, что я попала в какую-то ловушку. И однажды днем Амфа поговорила со мной вполне дружелюбно и, так сказать, понимающе... И наконец, не выдержав, я сказала, что взяла все эти вещи. О, ты не представляешь, папа, какое это было облегчение!

– Да нет, вполне представляю, – сказал Баттл, поглаживая свой подбородок.

– Ты правда понимаешь?

– Нет, Сильвия, я не совсем понимаю тебя, поскольку сам никогда не поступил бы так. Если бы кто-то попытался заставить меня признаться в том, чего я не делал, то мне бы, скорее всего, пришло в голову дать ему в челюсть. Но я хорошо представляю, как все произошло. И понимаю, что своими глазами-буравчиками ваша Амфа видит не дальше собственного носа. Перед ней был чудесный экземпляр необычной психологии, и, как любой полуиспеченный истолкователь, она не смогла его правильно объяснить. Настало время внести ясность в эту неразбериху. Где мисс Амфри?

Мисс Амфри тактично помедлила, прежде чем войти. Сочувственная улыбка застыла на ее лице, когда суперинтендант Баттл заявил с грубоватой откровенностью:

– Мисс Амфри, я должен просить вас обратиться за помощью в местный полицейский участок, чтобы восстановить справедливость в отношении моей дочери.

– Но, мистер Баттл, Сильвия сама...

– Сильвия совершенно непричастна к вашей истории, она даже пальцем не касалась этих вещей.

– Конечно, сэр, вы ее отец, и я могу понять...

– В данном случае я говорю не как отец, а как полицейский. Пусть полиция поможет вам разобраться в этом деле. Они проведут небольшое тактическое расследование. Пропавшие вещи, скорее всего, спрятаны где-то поблизости, и я полагаю, на них сохранились отличные отпечатки пальцев. Мелкие воришки обычно не заботятся о перчатках... А сейчас я забираю мою дочь домой. Если полиция найдет доказательства – настоящие доказательства, подтверждающие ее связь с этими кражами, то я позабочусь о том, чтобы она явилась в суд и ответила по закону. Но я уверен, что этого не произойдет.

Минут через пять отец и дочь уже выехали из школьных ворот.

– Сильвия, – сказал Баттл, – я хотел спросить тебя об одной девочке. Она встретила меня в коридоре. Знаешь, у нее такие белокурые, довольно курчавые волосы, розовощекое личико, родинка на подбородке и голубые, широко расставленные глаза.

– Судя по описанию, похоже на Оливию Парсонс.

– Угу, понятно. Видишь ли, я не удивлюсь, если это ее рук дело.

– Разве она выглядела испуганной?

– Как раз наоборот, она выглядела очень самоуверенной. Такой спокойный, самоуверенный взгляд я много раз видел во время наших полицейских расследований. Готов поставить кругленькую сумму на то, что именно она воровка... Но вот ее ты не заставишь признаться... Никогда!

Сильвия сказала со вздохом:

– Все это было похоже на дурной сон. Ох, папа, мне так стыдно. Прости меня, пожалуйста. Как я могла быть такой дурой, такой полной идиоткой? Я понимаю, что вела себя просто ужасно.

– Все в порядке. – Оторвав одну руку от руля, суперинтендант Баттл похлопал дочь по плечу и сказал одно из своих излюбленных и банальных утешительных

изречений: – Не переживай. Напасти нам посланы для испытания. Да-да, именно для испытания. По крайней мере я так полагаю. Не знаю, конечно, может, в них скрыт еще какой-то смысл...

19 апреля

Солнце щедро изливало лучи на дом Невиль Стренджа в Хинд-Хеде.

Такой чудесный денек – жарче июньских дней – случается в апреле разок-другой.

Невиль Стрендж спускался по лестнице. Он был одет в белый спортивный костюм из тонкой шерсти и под мышкой держал четыре теннисные ракетки.

Если бы некий избирательный комитет задумал отыскать среди англичан идеально счастливого человека, у которого есть все, что душе угодно, то Невиль Стрендж, несомненно, мог быть взят за образец. Всесторонне одаренный спортсмен и первоклассный теннисист, он был хорошо известен в британском обществе. Хотя ему никогда не удавалось выйти в финал Уимблдонского турнира, он нередко выигрывал несколько первых кругов в смешанных парах и дважды выходил в полуфинал. Возможно, если бы он не уделял слишком много времени другим видам спорта, то смог бы стать чемпионом в теннисе. Невиль прекрасно играл в гольф, был сильным пловцом и участвовал в нескольких сложных восхождениях в Альпах. В свои тридцать три года он имел отменное здоровье, приятную внешность, хороший достаток и исключительно красивую молодую жену, на которой женился недавно... В общем, жизнь его была прекрасной во всех отношениях – ни забот, ни тревог.

Тем не менее когда этим чудесным утром он спустился на первый этаж, на лице его блуждала тень мрачноватой озабоченности. Эта легкая тень едва ли была заметна для посторонних глаз. Но сам он осознавал ее существование, некие грустные мысли заложили складки на его челе, придавая лицу беспокойное и нерешительное выражение.

Проходя по холлу, он решительно расправил плечи, словно сбросил с себя какую-то тяжкую ношу, миновал гостиную и вышел на застекленную террасу, где на мягких подушках нежилась его жена, попивая апельсиновый сок.

Двадцатитрехлетняя Кей Стрендж была необыкновенно красива. Она была обладательницей стройной, точеной фигурки, темно-рыжих волос и такого прекрасного цвета лица, что доведение его до совершенства обычно требовало минимального количества времени и косметики. Помимо того у нее были неотразимые темные глаза и брови, что так редко соседствуют с рыжими волосами.

– Привет, красотка, – беспечно сказал ее муж. – Что у нас на завтрак?

– У вас, а не у нас! – сморщила носик Кей. – Ужасные кроваво-красные почки, грибы и ветчинный рулет.

– Звучит довольно заманчиво, – заметил Невиль.

Он положил себе всех вышеперечисленных яств и налил чашку кофе. На несколько минут на террасе установилось приветливое молчание.

– А-ах... – томно сказала Кей, покачивая голой ножкой с аккуратными ноготками, покрытыми алым лаком. – Какое прелестное утро! В конце концов, Англия не так уж и плоха, правда?

Они совсем недавно вернулись с юга Франции.

Невиль, бегло просмотрев газетные заголовки, уже заинтересованно читал спортивную страничку, поэтому просто хмыкнул в ответ, выражая некоторую неуверенность.

Вскоре он отложил газету и, намазав тост мармеладом, занялся письмами.

Пачка писем была довольно объемистая, но большую часть он порвал и выбросил. Рекламные проспекты, извещения и прочая печатная галиматья.

– Мне не нравится сочетание цветов в нашей гостиной, – сказала Кей. – Можно, я ее переделаю, Невиль?

– Как тебе заблагорассудится, моя красавица!

– По-моему, общий тон надо сделать переливчато-синим, – мечтательно проговорила Кей, – и множество атласных подушек цвета слоновой кости.

– Чтобы ты кувыркалась в них, как обезьянка, – пошутил Невиль.

– Ты сам вполне можешь последовать моему примеру, – сказала Кей.

Невиль распечатал очередное письмо.

– Да, кстати, – сказала Кей, – Шерти приглашает нас отправиться в Норвегию на его яхте в конце июня. Какая жалость, что мы не можем. – Она незаметно посмотрела в сторону Невилля и с тоскливым вздохом добавила: – Как я люблю морские путешествия.

По лицу Невилля пробежало легкое облачко какой-то задумчивой нерешительности.

– Неужели мы обязательно должны ехать к этой старой зануде Камилле? – мятежно спросила Кей.

Невиль нахмурился:

– Конечно, должны. Послушай, Кей, мне казалось, мы давно покончили с этим вопросом. Сэр Метью был моим опекуном. Они с Камиллой вырастили меня. Если и существует на земле место, которое я мог бы назвать своим родным домом, так это именно Галлс-Пойнт.

– Ну ладно, ладно, – сказала Кей. – Раз уж это наш долг, то ничего не поделаешь. В конце концов, ведь мы получим все ее деньги, когда она умрет, и я понимаю, что нам стоит немного подлизаться к ней.

– Что значит – подлизаться?.. – сердито сказал Невиль. – Дело вовсе не в этом. Кстати, она не распоряжается нашими будущими деньгами. Ей назначено пожизненное годовое содержание, но впоследствии по завещанию сэра Метью все его состояние перейдет ко мне и моей жене. Так что, моя милая, все дело в привязанности. Как ты не можешь понять этого?

Она немного помедлила с ответом и потом сказала:

– Конечно же, я все понимаю. Я просто притворяюсь, потому что... ну, в общем, я знаю, что я в данном случае – нежеланный гость, меня там только терпят. Они ненавидят меня! Да, да, именно так! Леди Трессильян воротит свой аристократический нос и смотрит на меня с презрением, а Мери Олдин вообще, разговаривая со мной, глядит куда-то в сторону. К тебе-то они прекрасно относятся. Вот ты и не замечаешь, что происходит.

– Мне казалось, они всегда были очень вежливы с тобой. Дорогая, ты же отлично знаешь, что, если бы они вели себя иначе, я не стал бы настаивать на нашей поездке.

Кей бросила на него странный взгляд из-под своих полуопущенных темных ресниц.

– О да, они достаточно вежливы. Но у них есть множество других способов для того, чтобы вывести меня из себя. Они считают меня захватчицей, посягнувшей на чужие владения.

– Что ж, – сказал Невиль, – в конце концов, вероятно, у них есть для этого некоторые основания. Разве нет?

Его голос слегка изменился. Он вышел из-за стола и стоял спиной к Кей, окидывая взглядом открывавшийся из окон вид.

– О да, я полагаю, это вполне объяснимо. Они любили Одри, не правда ли? – Ее голос немного дрожал. – Милая, благовоспитанная, хладнокровная и бесцветная Одри! Камилла не может простить мне того, что я заняла ее место.

– Не забывай о возрасте Камиллы, – не оборачиваясь, сказал Невиль, его голос был глухим и безжизненным. – Ведь ей уже за семьдесят. Ее поколение, как ты знаешь, не слишком одобряет разводы. Мне кажется, что в целом она смирилась с нашей женитьбой и принимает нас очень радушно, учитывая то, как она была привязана к... к Одри.

Его голос едва уловимо изменился, когда он произносил имя своей бывшей жены.

– Они считают, что ты плохо обошелся с ней.

– Да, вероятно, – тихо сказал Невиль, но жена услышала его.

– Ах, дорогой, не будь таким глупым. Она подняла весь этот ужасный шум, просто чтобы привлечь к себе внимание.

– Одри не поднимала никакого шума. Она не устраивала никаких сцен ревности.

– Не притворяйся, ты же понимаешь, что я имею в виду. Она уехала от тебя в жутком расстройстве и повсюду изображала несчастную страдальцу с разбитым сердцем. Вот что я называю шумом! Есть люди, которые умеют проигрывать достойно, но Одри, по-моему, не из их числа. Мне вообще кажется, что если женщина не может удержать собственного мужа, то ей следует отпустить его с миром и с достоинством удалиться со сцены. У вас с ней не было ничего общего. Она никогда не увлекалась спортом, была такой малокровной, выцветшей, как... как кухонное полотенце. Безжизненное, анемичное создание. В ней нет даже духа соперничества! Если бы она действительно любила тебя, то ей следовало в первую очередь подумать о твоём счастье и порадоваться, что тебе посчастливилось найти в этой жизни более подходящую пару.

Невиль повернулся к жене. Легкая сардоническая улыбка играла на его губах.

– Ах ты, моя маленькая спортсменка! Похоже, ты считаешь, что любовь и супружество – это всего лишь игра!

Кей рассмеялась и покраснела:

– Ну, возможно, я немного увлеклась и сгустила краски. Но, во всяком случае, что было, то прошло, и надо принимать жизнь такой, как она есть!

– Одри так и поступила, – спокойно сказал Невиль. – Она дала мне развод, чтобы я мог жениться на тебе.

– Да, я знаю... – с задумчивой нерешительностью согласилась Кей.

Невиль сказал:

– Ты никогда не понимала Одри.

– Пожалуй, ты прав. Я даже побаиваюсь ее. Порой один ее взгляд приводит меня в содрогание. Я совершенно не понимаю ее. Никогда не знаешь, о чем она думает... В ней есть... нечто пугающее.

– Брось городить чепуху, Кей!

– Нет, правда, она пугает меня. Может, потому, что она слишком умна.

– Ах ты, моя очаровательная глупышка.

Кей рассмеялась:

– Почему ты всегда называешь меня так?

– А что, разве я не прав?

Они улыбнулись друг другу. Подойдя к жене, Невиль склонился и поцеловал ее тонкую шейку.

– Очаровательная, милая Кей, – пробормотал он.

– Очень добрая и хорошая Кей, – сказала она. – Отказывается от чудесного путешествия на яхте ради поездки к чопорным викторианским родственникам своего мужа, которые будут ее всячески унижать.

Невиль отошел от дивана и вновь сел за стол.

– А знаешь, – вдруг оживленно сказал он, – мне кажется, у нас есть возможность покататься на яхте с Шерти, если уж ты действительно так мечтаешь об этом.

Кей приподнялась с подушек и изумленно взглянула на него:

– А как же Солткрик и Галлс-Пойнт?

– Я не вижу причин, почему бы нам не поехать туда в сентябре, – сказал Невиль немного напряженным голосом.

– Но, Невиль, я была уверена... – начала было она, но умолкла.

– В июле и августе мы будем на соревнованиях, – сказал он. – Они заканчиваются в Сент-Лу в конце августа, и прямо оттуда мы можем поехать в Солткрик. По-моему, это прекрасная мысль.

– Ну, в принципе Сент-Лу, конечно, довольно близко... И мысль сама по себе неплоха. Но я думала... мне казалось, что в сентябре обычно приезжает туда она. Разве не так?

– Ты имеешь в виду Одри?

– Да. Вероятно, они могли бы попросить ее отложить приезд, но...

– А, собственно, стоит ли откладывать?

Кей с сомнением посмотрела на него:

– Ты считаешь, что мы могли бы жить там все вместе? Что за странная идея!

– Не думаю, что это такая уж странная идея, – раздраженно сказал Невиль. – В наше время такие случаи не редкость. Неужели мы не можем общаться по-дружески? Такие отношения сделали бы нашу жизнь гораздо приятнее и проще. Кстати, ты сама на днях говорила об этом.

– Я говорила?

– Да, разве ты не помнишь? Мы разговаривали о Хоувзах, и ты сказала, что они живут как нормальные, цивилизованные люди и что новая жена Леонарда и его бывшая жена стали лучшими подругами.

– О, конечно, я не имею ничего против. И даже считаю, что подобные отношения вполне приемлемы. Однако... я совсем не уверена, что Одри понравится эта идея.

– Какие глупости!

– Нет, не глупости. Знаешь, Невиль, Одри действительно очень любила тебя... По-моему, она даже в мыслях не допускает такой возможности.

– Тут ты совершенно не права, Кей. Одри относится к этой идее достаточно благосклонно.

– Одри?.. Что ты имеешь в виду, говоря о ее благосклонности? Откуда тебе знать, что думает Одри по этому поводу?

На лице Невиля отразилось легкое замешательство. Он смущенно закашлялся, прочищая горло.

– По правде говоря, я случайно встретил ее вчера, когда ездил в Лондон.

– Ты ничего не говорил мне об этом.

– Зато сейчас говорю, – раздраженно сказал он. – Это была чистая случайность. Я проходил по Гайд-парку, а она шла мне навстречу. Неужели ты считаешь, что я должен был броситься наутек, завидев ее?

– Нет, разумеется, нет, – сказала Кей, пристально глядя на него. – Продолжай.

– Я... Ну мы, конечно, остановились, и я решил пройти с ней немного. Мне казалось, что... это самое малое, что я мог сделать.

– И что же было дальше? – спросила Кей.

– Потом мы увидели пару свободных стульев и сели поболтать. Она была очень мила... правда, очень мила.

– В общем, совершенно очаровала тебя... – вставила Кей.

– И как водится, мы поговорили о том о сем. Словом, ее поведение было вполне нормальным. Она была спокойна и доброжелательна.

– Как трогательно! – воскликнула Кей.

– Кстати, она спрашивала о тебе...

– Очень мило с ее стороны!

– Да, я рассказал ей немного о нашей жизни, и она передала тебе привет. Правда, Кей, она была сама любезность.

– Ах, моя дорогая Одри!

– И тогда-то эта идея и пришла мне в голову, понимаешь? Как было бы здорово, если бы вы стали друзьями. Если бы мы могли по-приятельски общаться друг с другом. И мне подумалось, почему бы не попробовать осуществить эту идею летом в Галлс-Пойнте. В таком месте это могло бы произойти вполне легко и непринужденно.

– Неужели именно ты подумал об этом?

– Да... Конечно же, я. Это была моя идея.

– Странно, по-моему, ты никогда не высказывал подобных желаний.

– Ты права. Эта мысль осенила меня только вчера.

– Все понятно. Короче говоря, ты высказал ее Одри, и она сочла, что это блестящая идея?

В первый раз Невиль уловил какие-то опасные нотки в голосе жены.

– Разве я сделал что-то не так, моя красавица?

– О нет, пустяки! Полагаю, ни ты, ни Одри даже не подумали, понравится ли эта блестящая идея мне.

Невиль удивленно взглянул на нее:

– Но, Кей, я решительно не понимаю, что ты можешь иметь против этого?

Кей закусила губу.

– Ты же сама совсем недавно говорила...

– Ах нет, пожалуйста, – перебила его Кей, – не начинай все сначала! Я говорила о других людях. И вовсе не имела в виду нас.

– Однако именно ты отчасти навела меня на эту мысль.

– Довольно дурачить меня. Не надейся, что я поверю тебе.

Невиль в смятении посмотрел на жену:

– Но, Кей, что тебе не нравится? Я полагаю, тебе совершенно не о чем беспокоиться!

– Неужели?

– Ну, я имею в виду, что ни о какой ревности не может идти и речи. – Он помолчал немного и сказал изменившимся голосом: – Понимаешь, дорогая, мы поступили с Одри чертовски плохо. Нет, я не так выразился. К тебе это не относится. Я обошелся с ней чертовски плохо. Бессмысленно говорить о том, что

я просто не мог поступить иначе. Но мне показалось, что, если мы наладим хорошие отношения, у меня станет легче на душе. Это сделало бы меня гораздо счастливее.

– Значит, ты несчастлив? – с расстановкой произнесла Кей.

– Милая, не строй из себя дурочку! О чем тут говорить. Конечно, я счастлив, совершенно счастлив. Но...

– Вот именно, «но»!.. – подхватила Кей. – Я постоянно чувствую это «но» в нашем доме. Точно какая-то мрачная тень слоняется по комнатам. Тень Одри.

Невиль недоумевающе уставился на нее.

– Ты хочешь сказать, что ревнуешь меня к Одри? – спросил он.

– Нет, я не ревную тебя к ней. Я боюсь ее... Невиль, ты не знаешь, что представляет собой Одри.

– Это я-то не знаю... Мы прожили с ней восемь лет.

– Нет, ты не знаешь, – повторила Кей. – Не знаешь, что у нее на уме.

30 апреля

– Просто абсурд какой-то! – сказала леди Трессильян. Подложив под спину пару подушек, она поудобнее устроилась на кровати и обвела комнату возмущенным сверкающим взглядом. – Чистый абсурд! Невиль, должно быть, сошел с ума.

– Да, это кажется довольно странным, – сказала Мери Олдин.

У леди Трессильян был чеканный профиль и тонкий прямой нос, благодаря которому в минуты волнения она выглядела поразительно эффектно. В свои семьдесят лет она, несмотря на хрупкое здоровье, сохранила в целости силу и

живость ума, которыми щедро одарила ее природа. Правда, она быстро уставала и порой подолгу лежала с полузакрытыми глазами, не проявляя никаких эмоций, однако после такого забытья она вдруг пробуждалась совершенно бодрой, все ее способности резко обострялись и язычок приобретал былую остроту и язвительность. Обложенная подушками, она гордо восседала в своей широкой кровати, стоявшей в углу спальни, и принимала гостей, как некая французская королева. Мери Олдин, дальняя родственница, давно жила в доме леди Трессильян, заправляя хозяйством и скрашивая досуг старой дамы. Эти две женщины отлично ладили друг с другом. Мери уже исполнилось тридцать шесть лет, однако по ее гладкому, спокойному лицу трудно было судить о возрасте. Такие лица обычно мало меняются с годами. Ей можно было дать как тридцать, так и сорок пять. У нее была хорошая фигура, благообразный вид, а в густых черных волосах белела серебряная прядь, которая придавала ей некую индивидуальность. Одно время это было модно, но у Мери эта светлая прядь была естественной и появилась лет двадцать назад.

Мери задумчиво читала письмо Невиля Стренджа, которое передала ей леди Трессильян.

– Да, – сказала она. – Все это кажется довольно странным.

– И тебе не удастся убедить меня, – сказала леди Трессильян, – что эта идея пришла в голову самому Невилю! Кто-то явно надоумил его. Вероятно, его новая супруга!

– Кей?.. Вы думаете, идея принадлежала Кей?

– Что ж, это может быть вполне в ее духе. Современно и вульгарно. Если уж супруги не в состоянии договориться полюбовно и афишируют свои проблемы, доводя дело до развода, то они могли бы по крайней мере расстаться благопристойно. А вместо этого бывшая жена начинает налаживать дружеские отношения со своей преемницей – на мой взгляд, это просто отвратительно. Молодежь ныне не имеет никаких моральных устоев!

– Я полагаю, это просто новое веяние, – сказала Мери.

– Пусть так, но я не желаю, чтобы это случилось в моем доме, – сказала леди Трессильян. – По-моему, я и так уже сделала все, что в моих силах, пригласив

сюда это дурно воспитанное создание с кроваво-красными ногтями.

– Но она ведь жена Невилья.

– Вот именно. Поэтому я полагаю, что Метью одобрил бы меня. Он любил этого мальчика и всегда хотел, чтобы Невиль считал это место своим родным домом. И поскольку отказ принимать его жену мог привести к серьезной размолвке, я смирилась и пригласила ее сюда. А вот уж любить ее я совершенно не обязана... Невиль сделал плохой выбор... Ни образования, ни корней!

– Но она все-таки из приличной семьи, – успокаивающе заметила Мери.

– Гнилая ветвь! – резко сказала леди Трессильян. – Ее отца – помнишь, я рассказывала тебе? – выставили из всех клубов из-за карточных дел. Его счастье, что он вскоре после этого умер. А ее мать снискала дурную славу на Ривьере. Какое воспитание могла получить эта девочка! С такой матерью, с ее беспутной, отелльной жизнью! Там на курорте она и встретила Невилья на одном из теннисных кортов. Эта девица вцепилась в него мертвой хваткой и не успокоилась, пока не заставила уйти от жены, – а ведь он очень любил Одри... Да-да, Кей окружила его и женила на себе! Я считаю, что во всем виновата только она!

На губах Мери Олдин заиграла легкая усмешка. В данном случае леди Трессильян была особенно старомодна, во всем обвиняя женщин и оправдывая мужчин.

– Мне кажется, строго говоря, Невиль виноват ничуть не меньше, – мягко предположила она.

– Разумеется, и Невиль далеко не безгрешен, – согласилась леди Трессильян. – У него была очаровательная, любящая жена, которая, возможно, любила его даже слишком сильно. И тем не менее я убеждена, что он никогда не потерял бы голову, если бы не настойчивость этой девицы. Это она вознамерилась выйти за него замуж! Безусловно, мои симпатии всецело на стороне Одри. Я очень люблю ее.

Мери вздохнула.

– Да, все это обернулось массой проблем, – сказала она.

– Ты права. Я просто в растерянности. Одному богу ведомо, как поступить в подобных обстоятельствах. Метью любил Одри, так же как и я, и никто не станет отрицать, что она была для Невилля прекрасной женой, хотя, возможно, жаль, что она не могла в полной мере делить с ним досуг и развлечения. Одри никогда не была сильна в спорте, да и не стремилась к этому. Сколько неприятностей доставляют разводы. Во времена моей молодости они были большой редкостью. Мужчины, разумеется, заводили романы на стороне, но это никак не отражалось на семейной жизни.

– Зато теперь такое случается довольно часто, – резковато сказала Мери.

– Да уж, сплошь и рядом. Ты рассуждаешь вполне здраво, моя милочка. Что толку вспоминать былые дни. Все изменилось, и девицы, подобные Кей Мортимер, без зазрения совести крадут чужих мужей, и никто даже не скажет о них дурного слова!

– За исключением людей вашего склада, дорогая Камилла!

– Я не в счет. Красотку Кей совершенно не волнует, одобряю я ее поведение или нет. Все ее мысли сводятся к поискам развлечений – она порхает по жизни беспечно, как мотылек. И Невиль привезет ее сюда когда пожелает, а я должна буду радушно принимать даже ее друзей... Хотя мне нет никакого дела до того манерного хлыща, который вечно вьется вокруг нее... Как бишь его имя?

– Тед Латимер?

– Да, да, мистер Латимер. Приятель ее веселых дней на Ривьере... Кстати, мне бы очень хотелось узнать, как он умудряется вести такой образ жизни.

– Вероятно, изворачивается всеми правдами и неправдами, – предположила Мери.

– Это было бы еще вполне прилично. Но боюсь, он живет за счет своей смазливой внешности. Не слишком подходящая компания для жены Невилля! Меня раздражает его назойливость. Помнишь, как он приехал сюда прошлым летом и

жил в отеле «Истерхед-Бей» все время, пока они гостили у нас.

Мери подошла к открытому окну. Дом леди Трессильян был расположен на вершине крутой скалы, возвышающейся над рекой Терн. На другом берегу реки недавно появился модный курорт Истерхед-Бей, включавший в себя полосу прекрасного песчаного пляжа, несколько современных коттеджей и громоздкий отель на мысу, фасад которого был обращен в сторону моря. А сам Солткрик был просто маленьким рыболовецким селением, живописно раскинувшимся на склоне холма. Его жители были старомодны, консервативны и с глубоким презрением поглядывали на Истерхед-Бей и его летних обитателей.

Отель «Истерхед-Бей» располагался почти напротив дома леди Трессильян, и Мери, пробежав взглядом по узкой полосе речной воды, прищурившись, смотрела сейчас прямо на это высокое здание, сверкающее своей крикливой новизной.

– Я рада, – сказала леди Трессильян, прикрывая глаза, – что Метью не увидел этого вульгарного сооружения. Пока он был жив, линию побережья еще не успели испортить.

Сэр Метью и леди Трессильян приехали в Галлс-Пойнт тридцать лет назад. Сэр Метью был страстным любителем морских прогулок; прошло уже девять лет с тех пор, как его лодка перевернулась и он утонул едва ли не на глазах у жены.

Все ожидали, что она продаст Галлс-Пойнт и уедет из Солткрика, но леди Трессильян обманула их ожидания. Она продолжала жить в своем доме, и единственной видимой реакцией на случившуюся трагедию было то, что она приказала убрать все лодки и разобрать элинг. С тех пор в Галлс-Пойнте так и не появилось ни одной лодки, и гости при желании нанимали их на переправе, у одного из конкурирующих лодочников.

– Может быть, мне написать Невилю, – предложила Мери с легкой нерешительностью, – и объяснить, что его намерения не совпадают с нашими планами?

– Я решительно не расположена мешать приезду Одри. Она всегда приезжает к нам в сентябре, и я не собираюсь просить ее менять свои планы.

– Вы заметили, Невиль пишет, что Одри... э-э... что она одобряет его идею. Что она будет рада встретиться здесь с Кей.

– Просто не могу в это поверить, – сказала леди Трессильян. – Невиль, как все мужчины, верит в то, во что хочет верить!

– Но он пишет, что сам разговаривал с ней об этом, – настаивала Мери.

– Господи, до чего же странные вещи происходят теперь на этом свете! Хотя, впрочем, если вспомнить историю...

Мери заинтригованно посмотрела на нее.

– ...и поведение Генриха Восьмого, – задумчиво продолжала леди Трессильян.

Вид у Мери был озадаченный.

Леди Трессильян помолчала, обдумывая свое последнее замечание.

– Видишь ли, дорогая, есть такое понятие, как совесть! И Генрих в свое время всячески старался внушить Екатерине, что их развод был благоразумным решением. Невиль сознает, что поступил далеко не лучшим образом, и хочет как-то загладить свою вину и успокоить душу. Поэтому он старался убедить Одри в том, что у них могут быть самые хорошие отношения, что она может спокойно приехать сюда, встретиться с Кей, и тогда все будут довольны и счастливы.

– Не знаю, – задумчиво сказала Мери, – что-то меня смущает...

Леди Трессильян пристально взглянула на нее:

– О чем ты задумалась, дорогая?

– Меня удивляет сам стиль... – Она помолчала немного и затем продолжила: – Это письмо... Мне кажется, оно как-то не похоже на Невилля! Вы не думали, что по каким-то причинам Одри сама стремится к... к этой встрече?

– Чего ради? – резко сказала леди Трессильян. – После того как Невиль оставил ее, она переехала в Ректори к своей тетушке миссис Ройд. Ты же помнишь, она была совершенно подавлена. Одри и в обычные времена не отличалась особой живостью, а уж тогда стала просто как тень. Очевидно, это было для нее очень сильным потрясением. Она из породы тех спокойных, сдержанных людей, которые глубоко переживают и глубоко чувствуют.

Мери нервно сжала руки:

– Да, у нее глубокая и страстная натура. Она очень необычный человек во многих отношениях...

– Она много страдала... Сначала бракоразводный процесс. Потом женитьба Невиля на этой девице... Но мало-помалу Одри все же начала приходить в себя. Сейчас боль воспоминаний уже почти утихла, она стала прежней Одри. И ты хочешь убедить меня, будто она стремится разбередить старые раны?

– Невиль пишет, что она согласна, – с мягкой настойчивостью сказала Мери.

Старая дама с любопытством взглянула на нее:

– Что это ты так привязалась к словам Невиля? Может, ты сама хочешь, чтобы они встретились здесь?

Мери Олдин вспыхнула:

– Нет, конечно, нет.

– А уж не ты ли, милочка, – с легкой язвительностью сказала леди Трессильян, – подкинула Невиллю эту идею?

– Какие глупости. И как вам только могла прийти в голову такая нелепая мысль?

– Ладно-ладно, не кипятись. И все-таки я ни за что не поверю, что это была действительно его собственная идея. Подобные эксперименты совершенно не в его духе. – Она задумчиво помолчала, затем лицо ее вдруг прояснилось. – Что у нас завтра – первое мая, не так ли? Отлично, а третьего числа Одри приезжает к

Дарлингтонам в Эсбенк. Оттуда до нас всего лишь двадцать миль. Напиши-ка ей письмецо и пригласи заехать к нам на ленч.

5 мая

– Миссис Стрендж, миледи.

Войдя в просторную спальню, Одри Стрендж пересекла комнату и остановилась возле массивной старинной кровати. Склонившись, она поцеловала старую даму и села в кресло, поставленное рядом с кроватью специально для нее.

– Как хорошо, что ты заехала навестить нас, моя дорогая, – сказала леди Трессильян.

– Я тоже рада вас видеть, – сказала Одри.

Облику Одри Стрендж была присуща некая бестелесность, неосязаемость. Она была среднего роста, с очень маленькими изящными руками и ногами. Белокурые, светло-пепельные волосы обрамляли бледное, почти бескровное лицо, которое лишь изредка окрашивалось легким румянцем. Широко расставленные ясные глаза были светло-серого цвета. Ее овальное личико с прямым аккуратным носиком имело правильные мелкие черты. Конечно, ее лицу недоставало красок, и поэтому при всей миловидности Одри нельзя было назвать красивой, однако, бесспорно и несомненно, в ее облике было нечто исключительно привлекательное, нечто такое, что невольно притягивало взгляды окружающих. Она казалась чуть ли не бесплотным духом и в то же время внушала уверенность, что этот дух может быть более живым и реальным, чем живой человек.

У нее был необычайно приятный, мелодичный голос, нежный и чистый, как звон серебряного колокольчика.

Одри поведала старой даме о текущих событиях, потом они немного поговорили, вспоминая общих знакомых, и наконец леди Трессильян перевела разговор в другое русло:

– Кроме удовольствия видеть тебя, моя милая, я пригласила тебя приехать еще и потому, что получила довольно странное письмо от Невия.

Одри внимательно посмотрела на нее. Ее распахнутые глаза были спокойны и безмятежны.

– Что же в нем странного? – спросила она.

– Он предлагает... В общем, я бы сказала, что его предложения совершенно абсурдны. Ему вдруг взбрело в голову приехать сюда вместе с Кей в сентябре. Он пишет, что ему было бы приятно, если бы между тобой и Кей завязались дружеские отношения, и что ты якобы одобрила его идею.

Она умолкла, вопросительно глядя на Одри.

– Почему его желание кажется вам столь абсурдным? – немного помедлив, спросила Одри мягким, спокойным голосом.

– Но, дорогая моя... неужели ты действительно хочешь этого?

Одри вновь нерешительно помолчала и затем тихо сказала:

– Понимаете, я думаю, что в конечном счете такие отношения вполне приемлемы.

– И ты действительно хочешь встретиться с Кей?

– В сущности, Камилла, мне просто кажется, это могло бы в какой-то мере... упростить нашу жизнь.

– «Упростить нашу жизнь»?! – недоуменно повторила леди Трессильян.

– Дорогая Камилла, – с особой мягкостью сказала Одри, – вы всегда были так добры. Уж если Невиль так хочет, чтобы...

– Мне безразлично, что хочет Невиль! – резко отрезала леди Трессильян. – Меня волнует, что хочешь ты?

На щеках Одри появился слабый румянец, напоминавший еле уловимую розоватость перламутровой морской раковины.

– Да, – сказала она. – Я... тоже хочу этого.

– Вот как... – с удивлением произнесла леди Трессильян. – Ну право, не знаю... – начала было она, но умолкла.

– Безусловно, дорогая, выбор остается за вами, – сказала Одри. – Это ваш дом и...

Леди Трессильян закрыла глаза.

– Я уже старуха, – сказала она. – И похоже, уже ничего не понимаю.

– Возможно, вы считаете, что мне лучше приехать в другое время. Если хотите, я вполне могу отложить свой приезд.

– Ты приедешь в сентябре, как всегда, – отрезала леди Трессильян. – И Невиль с Кей пусть тоже приезжают. Конечно, я стара, но полагаю, что, как любой живой человек, я еще смогу приспособиться к изменениям современной жизни. Все решено, и довольно об этом.

Она снова закрыла глаза. Через пару минут она приоткрыла веки и, пристально глянув на молодую женщину, сидевшую рядом с ней, сказала:

– Ты довольна?

Одри вздрогнула:

– О да, да. Благодарю вас.

– Милая моя, – сказала леди Трессильян, ее голос стал сердечным и взволнованным, – ты уверена, что это пойдет тебе на пользу? Ведь ты была так привязана к Невиллю... Зачем беречь старые раны?..

Одри сидела, опустив глаза, и задумчиво смотрела на свои маленькие руки в лайковых перчатках. Одна из них, как заметила леди Трессильян, судорожно сжала край кровати.

Наконец Одри подняла голову. Ее глаза были спокойны и безмятежны.

– Все это давно прошло, – сказала она. – Совсем прошло.

Леди Трессильян тяжело откинулась на подушки и вздохнула.

– Ладно, покончим с этим. Тебе лучше знать. Однако я устала, мне пора отдохнуть, дорогая. Ступай вниз. Мери ждет тебя. Передай там, чтобы прислали ко мне Баррет.

Баррет была старой верной служанкой леди Трессильян. Она вошла в спальню своей госпожи и обнаружила, что та обессиленно лежит на спине с закрытыми глазами.

– Видно, пора мне покидать этот мир, Баррет, и чем скорее, тем лучше, – тихо проговорила леди Трессильян. – Я уже ничего и никого не понимаю.

– Ах, не говорите так, миледи, вы просто устали.

– Да... устала. Убери-ка этот пуховик с ног и накапай тонизирующей микстуры.

– Неужели приезд миссис Стрендж так расстроил вас? Такая милая леди, но должна сказать, что ей тоже не помешало бы принять ваших капель. Она выглядит не слишком здоровой. Мне всегда кажется, что она видит то, чего другие не видят. Но у нее сильный характер. Она – как вы сказали бы – умеет подать себя.

– Ты совершенно права, Баррет, – согласилась леди Трессильян. – Да, да, это истинная правда.

– И она также не из тех, кого легко забывают. Я не удивилась бы, узнав, что мистер Невиль все еще думает о ней. Нынешняя миссис Стрендж, конечно, с виду очень красива, ничего не скажешь, но мисс Одри производит куда более глубокое впечатление, такие люди, как она, надолго остаются в памяти.

– Невиль просто дурак, – неожиданно усмехнувшись, сказала леди Трессильян, – если хочет свести вместе этих двух женщин. Он же первый пожалеет об этом!

29 мая

Томас Ройд с трубкой во рту рассеянно следил за процессом сборов; ловкие руки его первоклассного малайского слуги аккуратно и быстро заполняли его дорожные чемоданы. Изредка он окидывал задумчивым взглядом раскинувшиеся за окном плантации. Целых шесть месяцев он не увидит эту землю, с которой за прошедшие семь лет почти сроднился.

Как странно будет вновь оказаться в Англии.

В дверь комнаты заглянул его партнер, Аллен Дрейк:

– Привет, Томас, как идут сборы?

– Уже все уложено.

– Пойдем-ка выпьем на дорожку. Счастливый ты, черт! Я просто сгораю от зависти.

Томас Ройд медленно вышел из спальни, молча присоединившись к своему, другу; надо отметить, что он был исключительно немногословным человеком. Друзья научились угадывать, что он думает, по тому, как он молчал.

Томас был довольно плотный мужчина с бесстрастным, серьезным лицом и внимательными, задумчивыми глазами. Ходил он немного боком, как краб. Такая походка была следствием травмы – во время одного из землетрясений его

придавило дверью, – поэтому друзья, подшучивая, называли его крабом-отшельником. Его поврежденные правое плечо и рука были несколько ограничены в движениях, добавляя его виду некую искусственную напряженность, отчего у людей часто возникала мысль, что Томас постоянно испытывает то ли стеснительность, то ли неловкость, хотя в действительности подобные чувства были почти ему несвойственны.

Аллен Дрейк смешал напитки.

– Итак, – сказал он. – Доброй охоты!

Ройд ответил нечто неопределенное, что звучало примерно как:

– М-да... Гм...

Дрейк с любопытством взглянул на него.

– Флегматичен, как всегда, – заметил он. – Не представляю, как ты решился на это. Сколько лет ты не был дома?

– Семь... около восьми.

– Долгий срок. Удивляюсь, как ты не растерял все родственные связи.

– Может, и растерял.

– По твоей немногословности, друг мой, тебя всегда следовало бы относить скорее к братьям нашим меньшим, нежели к человеческому роду! Ты как-нибудь спланировал свой отпуск?

– Ну... да, частично.

Его побронзовевшее под малайским солнцем невозмутимое лицо вдруг приобрело глубокий красновато-кирпичный оттенок.

– Видно, здесь замешана женщина! – оживляясь, удивленно воскликнул Аллен Дрейк. – Черт возьми, старина, да ты покраснел!

– Брось городить чепуху! – хрипловато сказал Томас Ройд и глубоко затаился, зажав зубами свою старенькую трубку.

Он побил все свои предыдущие рекорды, сам продолжив разговор.

– Вероятно, – сказал он, – там многое изменилось.

– Я до сих пор не пойму, почему ты все откладывал поездку домой, – заинтересованно сказал Дрейк. – А сейчас вдруг в одночасье решился.

Ройд пожал плечами:

– Просто считал, что такое, неожиданное, путешествие может оказаться более интересным. К тому же, сам знаешь, плохие новости из дому.

– Да, конечно, я забыл. Ведь твой брат погиб в автомобильной катастрофе.

Томас Ройд кивнул.

Дрейк подумал, что это все-таки очень странная причина для отмены поездки домой. Там, насколько ему известно, мать и вроде бы еще сестра. Несомненно, в такое время... И тут вдруг ему припомнилось, что Томас тогда отменил путешествие прежде, чем пришло известие о смерти его брата.

Аллен с любопытством взглянул на своего друга. Однако темная лошадка старина Томас!

– Ты хорошо ладил с братом? – спросил он, решив, что сейчас, по прошествии трех лет, он уже может задать такой вопрос.

– С Адрианом? Да нет, не особенно. У нас с ним было мало общего. Каждый шел своей дорогой. Он был адвокатом.

«Да, совсем другая жизнь, – размышлял Дрейк. – Адвокатская контора в Лондоне, деловые приемы, клубы... Зарабатывание денег посредством словесных поединков...» Он подумал, что Адриан Ройд, вероятно, был полной противоположностью молчуну Томасу.

– Твоя матушка ведь еще жива?

– Что? Да, родительница наша в добром здравии.

– Но, по-моему, у тебя есть еще сестра?

Томас отрицательно мотнул головой.

– Нет?.. А я думал, есть. Но кто же тогда на той фотографии...

– Не сестра, – пробубнил Томас, – дальняя родственница в некотором роде. Она осталась сиротой и росла вместе с нами.

И вновь легкий красноватый оттенок проступил сквозь бронзовую кожу.

«О-о! – подумал Дрейк. – Кажется, мы попали в точку!..»

– Она замужем? – спросил он.

– Была... Ее мужем был тот самый парень, Невиль Стрендж.

– А-а... Да, известная личность, он вроде бы изрядно преуспел в теннисе.

– Да, она развелась с ним.

«Все ясно, – сказал себе Дрейк. – Значит, ты спешишь домой к ней, чтобы попытать счастья».

Смилостивившись, он сменил тему разговора:

– А что ты думаешь насчет рыбалки или охоты?

– Сначала надо добраться до дома. Вообще-то я рассчитывал немного пожить в Солткрике, возможно, найму там лодку.

– Я знаю эти места. Очень живописная природа. Помню, там еще был милый старомодный отель.

– Да, «Балморал-Корт». Может, я там и остановлюсь или погощу у друзей. У них дом в Солткрике.

– Звучит заманчиво.

– М-да... Гм... Солткрик – приятное, тихое местечко. Ни сутолоки, ни шума.

– Да, да, – поддержал его Дрейк. – В таких местах никогда ничего не происходит.

29 мая

– И все-таки это крайне досадно, – сказал старый мистер Тревис. – Уже двадцать пять лет я ежегодно отдыхаю в Лихеде в отеле «Морской». А в нынешнем году, можете себе представить, там собрались все перестроить. Расширить набережную или еще что-то в этом роде. Просто абсурд! Почему им так не терпится испортить такое прекрасное место на побережье?! В Лихеде всегда было свое особое очарование... Регентство – настоящее регентство.

Руфус Лорд утешающе сказал:

– Не стоит, однако, так переживать, я полагаю, можно подыскать еще что-нибудь в этом роде.

– Я даже не могу представить себе, что больше никогда не поеду в Лихед. Миссис Маккей, владелица «Морского», так чутко относилась ко всем моим требованиям. Из года в год я снимал одни и те же комнаты, и обслуживание там было неизменно безупречным. А уж кухня – выше всяческих похвал.

– А что, если вам попытаться счастья в Солткрике? Там есть довольно милый старомодный отель. «Балморал-Корт». И знаете, кто его содержит? Чета Роджерсов. Она раньше была кухаркой у старого лорда Маунтхеда... у него были лучшие обеды в Лондоне. Потом она вышла замуж за дворецкого, и теперь они стали владельцами этого отеля. Мне думается, это местечко придется вам по нраву. Тишина... Никаких джаз-бандов... и первоклассная стряпня и обслуживание.

– А это идея... Это решительно неплохая идея. Там есть застекленные балконы?

– Да. И застекленные террасы, и балконы. Можете выбрать солнце или тень по собственному усмотрению. Кстати, я мог бы вам дать кое-какие рекомендации относительно соседей, если желаете. Там живет старая леди Трессильян, ее дом буквально в двух шагах от отеля. Прелестный сад и дом, и сама она – замечательная женщина, несмотря на то что почти прикована к постели.

– Вы говорите о вдове судьи?..

– Именно так.

– Я знал Метью Трессильяна и, кажется, встречался и с ней. Обаятельная женщина... Хотя, конечно, с тех пор много воды утекло. Ведь Солткрик неподалеку от Сент-Лу? Я бывал у своих друзей в тех краях. Вы знаете, я все больше склоняюсь к тому, что Солткрик именно то, что мне нужно! Надо будет написать в этот отель и оговорить все детали. Мне хотелось бы поехать туда на месяц, примерно с середины августа до середины сентября. Да, мне придется взять с собой шофера. Надеюсь, там есть гаражи для машин?

– Можете не сомневаться. «Балморал-Корт» вполне соответствует современным требованиям.

– Как вы знаете, мне противопоказаны прогулки в горы, и я предпочитаю жить не выше первого этажа. Хотя, вероятно, там есть и лифт.

– Конечно, там есть все удобства подобного рода.

– У меня складывается впечатление, – сказал мистер Тревис, – что ваше предложение разрешит все мои проблемы. К тому же я надеюсь иметь удовольствие возобновить знакомство с леди Трессильян.

28 июня

Кей Стрендж, одетая в шорты и канареечного цвета свитерок, сидела подавшись вперед и наблюдала за игроками. Шел полуфинал теннисного турнира в Сент-Лу, одиночные игры между мужчинами, и Невиль играл против молодого Меррика, которого считали восходящей звездой теннисного небосклона. Меррик, бесспорно, обладал блестящими способностями, но играл не слишком обдуманно и, случалось, бил наугад. Поэтому на сегодняшний день более опытные и расчетливые игроки могли еще его победить.

Сейчас шел как раз финальный сет игры, и счет пока был три – три.

Присев на скамью рядом с Кей, Тед Латимер прокомментировал небрежным, ироничным голосом:

– Любящая жена следит за продвижением своего мужа к победе!

Кей вздрогнула от неожиданности:

– О, как ты меня напугал! Я не заметила, когда ты появился.

– Я всегда с тобой. Пора тебе уже осознать это.

Тед Латимер, двадцатипятилетний молодой человек, обладал на редкость приятной внешностью, хотя чопорные старые полковники обыкновенно называли его «типичный даго»[2 - Презрительная кличка итальянцев, испанцев, португальцев.].

У него была смуглая кожа, великолепный шоколадный загар, и, кроме всего прочего, он был замечательным танцором.

Его темные глаза могли быть очень выразительными, и он прекрасно владел своим голосом, как хороший актер. Кей познакомилась с ним, когда ей было пятнадцать лет.

Они вместе жарились под солнцем на пляжах Жан-ле-Пинса, танцевали и играли в теннис. Они стали больше чем друзьями, скорее их можно было назвать родственными душами.

Молодой Меррик подавал из левого угла. Ответный мяч Невилля – точный и сильный удар в противоположный угол – отбить было почти невозможно.

– У Невилля отличный удар слева, – заметил Тед. – Даже лучше, чем справа. А у Меррика удар слева слабоват, и Невиль понял это. Да, он знает, как прижать Меррика, и, думаю, сделает игру.

Этот гейм закончился со счетом четыре – три в пользу Стренджа.

Следующий гейм начинался с его подачи. Юный Меррик слишком разгорячился и бил как попало.

Пять – три.

– Молодец Невиль, – сказал Латимер.

Наконец юный спортсмен овладел собой. Его игра стала более расчетливой и осторожной. Он начал варьировать стиль и силу ударов.

– А парень-то с головой, – сказал Тед. – И скорость у него первоклассная. Должно быть, борьба будет интересной.

Меррику удалось сравнять счет: пять – пять. Потом каждый отыграл по два очка, и в итоге Невиль проиграл партию со счетом семь – девять.

Невиль, усмехаясь, подошел к сетке, сокрушенно покачивая головой. Соперники обменялись рукопожатиями.

– Юность говорит сама за себя, – бросил Тед. – Девятнадцать лет против тридцати трех. Но причина все же не в этом. Знаешь, Кей, я могу сказать тебе, почему Невиль никогда не станет чемпионом. Он слишком легко проигрывает.

– Чепуха!

– Нет, не чепуха! Невиль, черт его возьми, всегда в прекрасной форме. Но я никогда не видел, чтобы он расстроился, проиграв партию.

– Разумеется, – сказала Кей. – Таким людям это не свойственно.

– Нет, свойственно! Мы же видим их на соревнованиях. Теннисные звезды еще как переживают и еще как чертыхаются, загубив хоть один мяч. Но старина Невиль всегда готов с улыбочкой принять поражение. Пусть победит сильнейший, игра есть игра и так далее. Боже, как же я ненавижу это традиционное благообразное воспитание. Слава богу, что я никогда не посещал этих закрытых привилегированных школ.

Кей повернулась к нему:

– Тебе не кажется, что ты не слишком доброжелателен?

– Да, я просто злорадствую!

– Мне бы не хотелось, чтобы ты так ясно показывал свое отношение к Невиллю. Я знаю, что ты его недолюбливаешь.

– А с какой радости мне его любить? Он увел мою девушку, – сказал Тед, взглянув на Кей многозначительным взглядом.

– Я не могла быть твоей девушкой. Обстоятельства были против нас.

– Безусловно. Не было даже и года взаимного интереса между нами... даже легкого романчика.

– Заткнись. Я полюбила Невилля и вышла за него замуж...

– О да, чертовски выгодная партия! Это всем известно!

– Ты что, пытаешься разозлить меня?

Задавая этот вопрос, Кей повернула к нему голову. Он улыбнулся, и она, помедлив, улыбнулась в ответ.

– Как проходит лето, Кей?

– В общем, неплохо. Мы чудесно попутешествовали на яхте. Но я уже устала от всех этих теннисных дел.

– И как долго они будут продолжаться? Еще месяц?

– Около того. А потом, в сентябре, мы поедем на две недели в Галлс-Пойнт.

– Я остановлюсь в отеле «Истерхед-Бей», – сказал Тед. – Я уже зарезервировал номер.

– Да уж, там соберется премиленькая компания! – сказала Кей. – Мы с Невилем, его бывшая жена да еще какой-то малайский колонист, решивший навестить родные пенаты.

– Что ж, похоже, скучать не придется!

– Кроме того, встречать нас, естественно, будет та безвкусная бедная родственница. Как же она суетится вокруг этой противной старухи... А не получит ни пенни, ведь все денежки достанутся нам с Невилем.

– Возможно, – предположил Тед, – она не знает об этом?

– Вот было бы забавно! Тогда ее ждет хорошенький сюрприз, – ответила Кей.

Но вид у нее был рассеянный, она уже явно думала о другом. Опустив глаза, Кей вертела в руках теннисную ракетку.

– Ох, Тед! – вдруг сказала она, затаив дыхание.

– В чем дело, моя дорогая?

– Даже не знаю... Просто порой... мне делается страшно! Я вдруг начинаю чего-то бояться... Просто поджилки трясутся.

– Это не похоже на тебя, Кей.

– Да, правда, и все же... Ладно, – она взглянула на него с какой-то задумчивой, неопределенной улыбкой, – в любом случае ты ведь будешь рядом в отеле «Истерхед-Бей».

– Да, милая, все согласно плану.

Они расстались, и Кей отправилась к раздевалке встречать Невилля.

– Я заметил, что прибыл твой дружок, – сказал он.

– Тед?

– Да, твой верный пес... Хотя он больше напоминает кого-то из пресмыкающихся, возможно, ручную ящерицу.

– Тебе он не нравится, да?

– О, я ничего не имею против него. Если он развлекает тебя, то можешь таскать его с собой на поводке, – небрежно произнес он, пожав плечами.

– Мне кажется, ты ревнуешь.

– К Латимеру? – Его удивление было искренним.

– Тед может быть очень привлекательным.

– Я не сомневаюсь в его способностях. У него гибкая натура и южноамериканский шарм.

– Ты и вправду ревнуешь.

Невиль слегка сжал ее руку и добродушно улыбнулся:

– Нет, моя королева, ничего подобного. Ты можешь иметь сколько угодно прирученных воздыхателей, заводи хоть целую свиту, если пожелаешь. Я вступил во владение неким имуществом, а такое владение, как говорится, почти равносильно праву на него.

– Ты слишком самоуверен, – слегка надув губки, сказала Кей.

– Ничуть. От судьбы не уйдешь. Нам суждено было встретиться. Ее величество Судьба сама свела нас с тобой. Ты помнишь нашу встречу в Каннах, а потом я отправился в Эсторил и вновь увидел там очаровательную Кей. Ты была первым человеком, вышедшим мне навстречу! Тогда-то я и понял, что это судьба, – а от нее не уйдешь!

– Ну, возможно, не совсем судьба... – сказала Кей. – Надо признаться, я немного помогла ей!

– Что значит помогла?

– То и значит! Видишь ли, дорогой, я слышала, как ты сказал в Каннах, будто собираешься в Эсторил, поэтому я провела соответствующую работу с мамулей и заставила ее все организовать... Вот почему первым человеком, которого ты увидел, приехав туда, была Кей!

На лице Невилля появилось какое-то странное выражение.

– Ты никогда не говорила мне об этом прежде, – задумчиво сказал он.

– Да, незачем тебе было знать о моем участии. Это могло бы сыграть на руку твоему тщеславию! Однако я всегда умело планировала свою жизнь. Под лежащий камень вода не течет! Человек должен сам устраивать свою судьбу! Ты

иногда называешь меня глупышкой... Но в определенном смысле я очень даже не глупа. Я всегда добиваюсь того, чего хочу. Иногда мои планы заходят довольно далеко, и я вполне целенаправленно их осуществляю.

– Да, должно быть, в твоей очаровательной головке идет напряженная работа ума.

– Тебе бы только насмехаться.

– Похоже, я совершенно не знал женщину, на которой женился... – вдруг сказал Невиль с острой горечью в голосе. – Но картина начинает проясняться. Судьбу зачеркиваем – пишем Кей!

– Надеюсь, ты не расстроился, Невиль?

– Нет... конечно, нет, – довольно рассеянно сказал Невиль. – Я только думаю...

10 августа

Лорд Корнелли, известный своими чудачествами и богатством, сидел за громадным письменным столом, который был его особой гордостью и удовольствием. Это удовольствие обошлось ему в кругленькую сумму, и вся обстановка его приемной была под стать этому мастодонту. Комната производила потрясающее впечатление, слегка подпорченное, правда, неизбежным добавлением самого лорда Корнелли – бесцветного пухленького человечка почти карликового роста, который крайне смехотворно смотрелся за этим великанским столом.

Неожиданно и тихо на фоне этого делового великолепия лондонского Сити появилась белокурая секретарша, вполне гармонизировавшая с роскошной обстановкой приемной.

Мягко ступая по паркету, она проплыла к столу и положила визитную карточку перед великим деятелем.

Лорд Корнелли вперил в нее свой взгляд:

– Мак-Виртер?.. Мак-Виртер? Кто это такой? Никогда не слышал о нем. Ему было назначено?

Белокурая секретарша напомнила ему, по какому поводу пришел посетитель.

– Ах да, Мак-Виртер! Я вспомнил этого бедолагу! Отлично! Зовите. Немедленно пригласите его ко мне.

Лорд Корнелли радостно хихикнул. Он был в прекрасном настроении.

Откинувшись на спинку кресла, он внимательно взглянул на угрюмого, не улыбающегося человека, которого пригласил для делового разговора:

– Итак, вы – мистер Мак-Виртер? Ангус Мак-Виртер?

– Да, сэр, – неохотно выдавил Мак-Виртер. Он стоял в напряженной позе, расправив плечи, без тени улыбки на лице.

– Вы ведь работали у Герберта Клея? Я прав, не так ли?

– Да.

Лорд Корнелли опять хихикнул:

– Я знаю вашу историю. Клею пришлось восстанавливать водительские права только из-за того, что вы отказались подтвердить, что он не превысил скорость! Ох и сердит же он был! – Пофыркивающие смешки стали громче. – Он поведал нам обо всем в ресторане «Саввой». «Проклятый тупоголовый шотландец!» – так он вас окрестил. И так далее и тому подобное. И знаете, о чем я подумал тогда?

– Не имею ни малейшего представления.

Тон Мак-Виртера был крайне сдержанным. Но лорд Корнелли не обратил на это никакого внимания. Он наслаждался собственными воспоминаниями.

– Тогда я сказал себе: «Вот с таким парнем можно иметь дело! Этот человек честен и неподкупен!» Вам не придется идти против совести, работая со мной. Я деловой человек, но играю в открытую. И я пытаюсь найти в этом мире честных людей... И надо вам сказать, их чертовски мало!

Маленький пэр залился кудахтающим резким смехом, его пронизательное обезьяноподобное личико сморщилось в веселой причудливой гримасе. Мак-Виртер стоял с бесстрастным видом, на лице его не отразилось и тени удовольствия.

Лорд Корнелли закончил смеяться. Его лицо стало серьезным и настороженным.

– Если вы хотите получить работу, Мак-Виртер, то я могу предоставить ее вам.

– Да, я бы хотел найти работу, – сказал Мак-Виртер.

– Это ответственное дело. Для него требуется работник высокой квалификации... И вы как раз подходите. Я искал именно такого специалиста. И кроме того, человека, которому мог бы доверять... полностью доверять.

Лорд Корнелли молчал, ожидая ответа. Мак-Виртер не проронил ни слова.

– Так как же, молодой человек, мне необходимо знать, могу ли я полностью положиться на вас?

– Если я отвечу, что, разумеется, можете, – сухо заметил Мак-Виртер, – то это ничего не прибавит к вашим знаниям.

Лорд Корнелли рассмеялся:

– Да, действительно. Вы именно тот человек, которого я искал. У вас есть хоть какое-нибудь представление о Южной Америке?

Он углубился в детали. Полчаса спустя Мак-Виртер стоял на тротуаре, пытаясь поверить в то, что неожиданно получил интересную и исключительно хорошо оплачиваемую работу... работу, которая, ко всему прочему, открывала перед ним большие перспективы.

Судьба, похоже, сменила гнев на милость и решила ему улыбнуться. Однако у него пока не было желания улыбнуться ей в ответ. Мак-Виртер не испытывал никакого ликования, хотя когда он начал перебирать в уме только что закончившийся разговор, то его природное чувство юмора пробудилось и позволило ему изрядно позабавиться. Была некая непреклонная божественная справедливость в том, что резкая обличительная речь его бывшего шефа предоставила ему возможность получить гораздо более интересную работу.

Похуже, что он просто счастливчик. Удача сама приплыла к нему в руки! Ему не пришлось даже пальцем пошевелить. Конечно, он понимал, что надо будет подыскать какую-то работу, чтобы прокормить себя, но не испытывал никакой радости, а тем более вдохновения, представляя себе эти методичные, каждодневные поиски. Семь месяцев назад он пытался уйти из жизни; ему помешала случайность, чистая случайность, однако он не испытывал особой благодарности к своим спасителям. По правде говоря, сейчас он уже не имел желания покончить с собой. То был, слава богу, пройденный этап. Он сознавал, что человек не может хладнокровно пойти на самоубийство. Для этого нужно особое внутреннее состояние – отчаяние, горе, безысходная тоска или страсть. Человек не может покончить с собой только потому, что жизнь представляется ему замкнутым кругом скучных и безрадостных событий.

В общем и целом он был даже рад тому, что ему предстояло уехать из Англии. В конце сентября он отправится в Южную Америку. А пока в течение нескольких недель он должен будет заниматься сборами багажа и досконально изучить все тонкости предстоящей сложной работы.

Но перед отъездом у него, возможно, будет неделя отдыха. И Мак-Виртер пока не решил, как ему распорядиться этой неделей. Остаться ли в Лондоне? Или куда-нибудь съездить?

Он вяло размышлял на эту тему, и неожиданно на ум ему пришла одна интересная мысль. Солткрик?!

«Пожалуй, мне явно хочется туда съездить», – сказал сам себе Мак-Виртер.

Ему подумалось, что это может быть на редкость интересная поездка.

19 августа

– И мой отпуск летит к чертям, – с отвращением сказал суперинтендант Баттл.

Миссис Баттл была разочарована, но, как жена офицера полиции, она давно научилась философски относиться к подобным разочарованиям.

– Ну что ж, – сказала она, – ничего не поделаешь. По крайней мере я надеюсь, это будет интересный случай?

– Не особенно, как ты могла заметить, – сказал суперинтендант Баттл. – Им заинтересовалось министерство иностранных дел. Вокруг нас будет вечно крутиться стайка лощеных молодцов. Мы и слова не сможем сказать без их ведома. Думаю, это дело будет замято и ничье доброе имя не пострадает. Однако подобные преступления я не храню в копилке моей памяти. Было бы глупо даже рассказывать о них.

– Мы можем отложить наш отпуск. Мне кажется... – задумчиво начала было миссис Баттл, но муж решительно прервал ее:

– Ни в коем случае. Ты вместе с девочками, как и было запланировано, поедешь в Бритлингтон – комнаты были заказаны еще в марте, – жаль упускать такую возможность. А я тоже как-нибудь устроюсь. Знаешь, я подумал, что, когда эта шумиха утихнет, мы с Джимом прекрасно отдохнем недельку у моря.

Инспектор Джеймс Лич, а попросту Джим, был племянником суперинтенданта Баттла.

– Солткрик и отель «Истерхед-Бей» находятся совсем близко от Солтингтона, – продолжал он. – Там прекрасный морской воздух, и мы еще успеем немного поплавать.

– Скорее всего, – усмехнувшись, сказала миссис Баттл, – он втянет тебя в какую-нибудь историю!

– Какие могут быть истории в этом славном местечке в такое время года? Разве только какая-нибудь женщина стащит пару монет на рынке. И в любом случае мы с Джимом отлично поладим, он сам вполне сможет разобраться в любой ситуации.

– Ну ладно, – сказала миссис Баттл, – возможно, все кончится хорошо, однако мне от этого мало радости.

– Господь посылает напасти, чтобы испытать нас, – утешил ее суперинтендант Баттл.

Беляночка и Розочка

1

Выйдя из поезда, Томас Ройд заметил на перроне Мери Олдин, которая приехала в Солтингтон его встретить.

Он лишь смутно помнил ее и сейчас, увидев вновь, был приятно удивлен, отметив уверенную и доброжелательную манеру общения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Here is the Church and here is the Stepple

Open the door and here are the people».

«Вот церковь, башенка над ней,

Дверь открой! – Полно людей» –

детский «зримый» стишок, которым дети зачастую изводили взрослых, – пальцы сплетаются вместе, изображая крышу церкви, потом поднимаются указательные пальцы – это колоколья, при словах «Дверь открой» разводятся большие пальцы, и там, оказывается, есть люди, то есть сложенные внутрь пальцы.

2

Презрительная кличка итальянцев, испанцев, португальцев.

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/po-napravleniyu-k-nulyu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)